

Спецслужбы, исламизм и семья бен Ладенов

В своей рецензии мы представляем две известные работы американского аналитика, дважды лауреата Пулитцеровской премии по журналистике Стива Колла (S. Coll), посвященные двадцатилетней истории исламизма и его тесным отношениям со спецслужбами США, Пакистана и Саудовской Аравии. На фоне поверхностных, псевдосенсационных писаний о современном исламизме книги С. Колла «Войны призраков: тайная история ЦРУ, Афганистана и бен Ладена с советского вторжения до 10 сентября 2001 года» (далее — I) и «Бен Ладены: история семьи и ее состояния» (далее — II) отличаются глубиной, точностью анализа и обилием фактического материала.

Начнем с экскурса в новейшую историю исламизма. 21 ноября 1979 года толпа в Исламабаде напала на посольство США и частично сожгла здание; погибли четыре сотрудника посольства. Беспорядки были спланированы исламистами. Благодаря связям с неформальными исламскими организациями в странах Персидского залива и других местах, в 1970-е годы консервативная пакистанская партия «Джамаат-и ислами» вступила в период подъема на волне «ислама нефтедоллара» (Ж. Кепель). Речь идет об обильном вливании средств в прозелитскую деятельность со стороны Саудовской Аравии с момента объявленного ОПЕК в 1973 году нефтяного бойкота. К концу 1970-х годов исламские партии стали набирать силу по всему мусульманскому миру — по мере разочарования молодежи в коррумпированных режимах левых националистов.

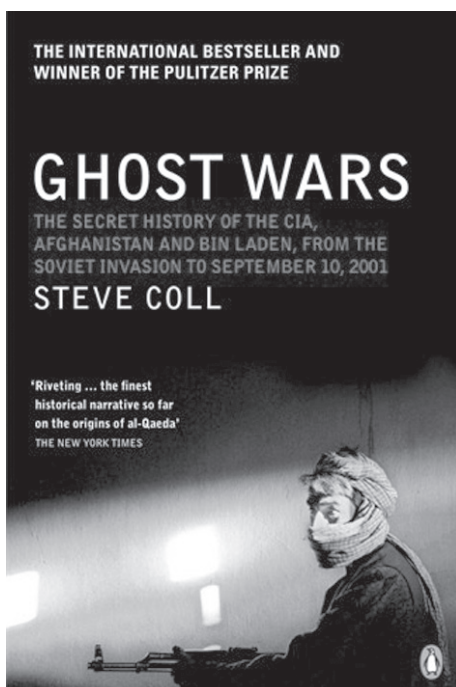
Незадолго до штурма американского посольства Зия-уль-Хак приступил к политике исламизации с целью обрести политический фундамент. Поэтому его реакция на беспорядки была сдержанной: генерал не мог позволить себе выступить против политического союзника. Американцы также не стали заострять внимание на инциденте: «В такой охваченной кризисом и бедной исламской стране, как Пакистан, к тому же находящейся на грани приобретения ядерного оружия, для США всегда,

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований МосГУ, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), кандидат исторических наук.

ФУРСОВ Кирилл Андреевич — старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института экономики РАН, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: исламизм, терроризм, ЦРУ, МБР, «Талибан», Аль-Каида, бен Ладены.

(I) Coll S. *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001*. N. Y.: Penguin Books, 2004. XX, 712 p.

казалось, существовали более значительные стратегические вопросы, чем смутные и, как считалось, разрешимые угрозы со стороны политической религии» (I. P. 36).

В декабре 1979 года началось советское вторжение в Афганистан. В марте в стране вспыхнуло первое антикоммунистическое восстание (в Герате) — после того, как пришедшие к власти в Кабуле марксисты объявили об обязательном обучении чтению девочек. События развивались по спирали, марксистские лидеры принялись пожирать друг друга, и в Москве сочли за лучшее вмешаться. Однако, как и американцы, русские недооценили иранскую революцию, проглядели распространение вируса исламистской воинственности посредством неформальных подпольных сетей. У Кремля было мало экспертов по исламу, а его союзниками на Ближнем Востоке были светские режимы — такие, как в Сирии и Ираке.

Первые предложения тайно помогать антикоммунистическим повстанцам в Афганистане ЦРУ направило президенту Дж. Картеру еще в марте 1979 года. «Потрясения в Иране сделали США более уязвимыми на Ближнем Востоке. Этим хаосом мог воспользоваться КГБ. Здесь намечалась возможность отвести часть пламенной критики, исходящей от Хомейни, от США, направив ее на Советский Союз. Длительное восстание в Афганистане могло бы сдерживать способность Советов двигаться к нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Также оно могло бы досаждать и связать руки афганским и, возможно, советским силам, если те попытаются подавить это восстание» (I. P. 42—43).

Поколебавшись, Белый дом вступил в игру. Это предполагало сотрудничество с Пакистаном и его Межведомственной разведкой (МВР). Правда, в Вашингтоне не считали, что афганские повстанцы способны нанести СССР военное поражение. В секретном приказе, подписанном Картером в декабре 1979 года, целью ЦРУ в Афганистане были названы лишь «беспокоящие действия» (harassment). Тайные операции должны были максимально увеличить цену советской интервенции в Афганистане и отбить у СССР охоту предпринимать вторжения в другие страны «третьего мира».

МВР распределяла американскую помощь среди афганских лидеров неравномерно. Многие из тех, кто пользовался ее расположением, были исламистами, связанными с египетской организацией «Братья-мусульмане», — такими, как Гульб-уд-дин Хекматияр. После 1983 года директор

МВР генерал Ахтар Абд-ур-Рахман стал замораживать помощь традиционным афганским лидерам, связанным со свергнутым Захир-шахом и верхушкой племен. К этому времени тайная программа помощи ЦРУ начала окупаться: на выделяемые конгрессом деньги приобреталось оружие, с помощью которого моджахеды уничтожали советское вооружение и личный состав, содержание которых обходилось в 8—10 раз больше (см. *I. P.* 68).

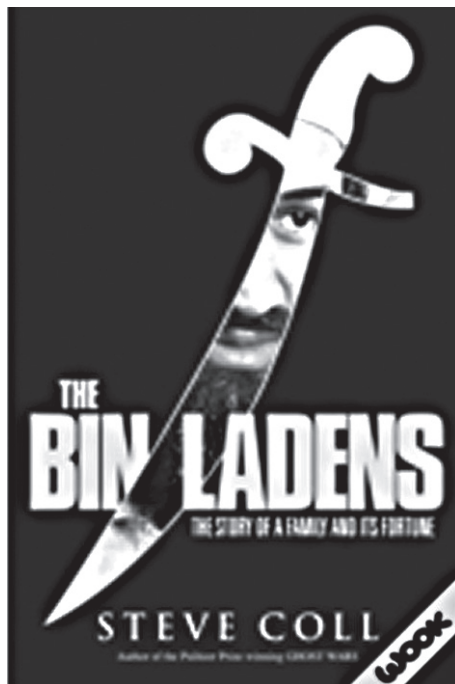
«Как и в случае с Лэнгли, советское вторжение в Афганистан заставило действовать штаб-квартиру саудовского Департамента общей разведки (ДОР) — главной службы внешней разведки пустынного королевства. Глубоко религиозная бедуинская королевская семья Саудовской Аравии смотрела на советский коммунизм как на ересь. Натиск СССР в сторону Персидского залива угрожал нефтяному богатству саудовской элиты. Ведущие саудовские принцы приняли американскую точку зрения на Пакистан как на государство на передовой линии мировой борьбы с целью сдержать советские амбиции» (*I. C.* 72). С середины 1970-х годов ДОР возглавлял сын *малика* (короля) Фейсала интеллигент и интриган принц Турки.

«Турки заключил, что оккупация Афганистана — не самостоятельная цель СССР, а шаг к увеличению его мощи в регионе руками подставных коммунистических партий и левых движений. Пакистан, по мысли Турки, в географическом плане представлял собой лучший плацдарм, на котором можно было противостоять советским амбициям. Помощь афганским повстанцам по каналам пакистанской армии и разведки также помогла бы укрепить Пакистан в качестве союзника в регионе после его разорительной войны с Индией в 1971 году» (*I. P.* 81).

В июле 1980-го ДОР заключил соглашение с ЦРУ, согласно которому Саудовская Аравия на каждый американский доллар давала свой. В Пешавар зачастил с деньгами помощник Турки — Ахмад Бадиб. Ранее он преподавал в Университете им. малика Абд-уль-Азиза в Джидде, а одним из его студентов был Усама бен Ладен. История семьи бен Ладенов изложена ниже, но стоит сразу отметить, что отцы Турки и Усамы были друзьями, деловыми партнерами и политическими союзниками.

Для финансирования афганского джихада саудовская разведка использовала религиозные благотворительные организации. Те строили вдоль афганской границы сотни медресе. «Выражаясь шпионским языком, каждая из основных разведок, работавших в пользу афганского джихада, —

(II) Coll S. *The Bin Ladens: The Story of a Family and Its Fortune*.
L. etc.: Allen Lane, 2008. XVI, 671 p.

ДОР, МВР и ЦРУ — начала “компаратментализацию” своей деятельности, хотя все три сотрудничали друг с другом по официальным каналам. Работая вместе, они закупали и переправляли афганским повстанцам десятки тысяч тонн оружия и боеприпасов. Действуя отдельно, они шпионили друг за другом и преследовали собственные политические цели... Саудовцы настаивали, чтобы в Пакистане не было взаимодействия между ЦРУ и ДОР. Все такие контакты должны были иметь место в Эр-Рияде или Лэнгли. ДОР старался держать втайне субсидии, которые он платил МВР за рамки программы по закупке вооружений. Сотрудники ЦРУ, в свою очередь, старались не раскрывать своих прямых контактов с афганскими командирами — такими, как Абд-уль-Хак» (I. P. 86—87).

Бен Ладен действовал внутри сферы саудовской разведки, вне поля зрения ЦРУ. Во всяком случае в архивах ЦРУ нет данных о прямых контактах с бен Ладеном. Годы спустя Турки и другие сотрудники саудовской разведки отрицали, что Усама был их профессиональным агентом. Тем не менее очевидно, что он поддерживал тесные связи с саудовской разведкой. По мнению некоторых сотрудников ЦРУ, бен Ладен осуществлял полуофициальную связь между ДОР, международными исламистскими сетями и афганскими командирами, пользующимися саудовской поддержкой. Он перевозил в Пакистан деньги и проводил встречи исламистов.

В январе 1984 года директор ЦРУ Уильям Кейси доложил Р. Рейгану об успехах в Афганистане. К этому времени моджахеды убили или ранили около 17 тысяч советских солдат, контролировали 62 процента сельской местности и вынудили СССР учетверить афганский контингент. Война принесла советскому правительству прямых расходов на 12 миллиардов долларов. Американским налогоплательщикам это обошлось всего в 200 миллионов долларов (плюс столько же от ДОР) (см. I. P. 89).

Победа Рейгана на выборах привела к власти в Вашингтоне команду консерваторов, которые были полны решимости бросить вызов советскому влиянию по всему миру (программа «Звездные войны», развертывание ракет «Першинг» в Европе). Эти люди говорили об СССР с применением религиозной лексики добра и зла. Они были готовы вести тайные действия повсюду, где это могло навредить Советскому Союзу (поддержка движения «Солидарность» в Польше, помощь оружием повстанцам в Центральной Америке и Африке).

Видя, что подрывная деятельность в Афганистане налаживается, конгресс потребовал более активной роли Пентагона. В 1985 году он выделил на афганскую программу 250 миллионов долларов — примерно столько же, сколько за все предыдущие годы вместе взятые (см. I. P. 102). В ЦРУ поняли, что им по силам выдавить СССР из Афганистана. Кейси даже хотел перенести афганский джихад в Среднюю Азию. Правда, в Лэнгли и госдепартаменте решили, что партизанские вылазки на советскую территорию слишком рискованны.

Принятая в 1985 году политика США предполагала поставки в Афганистан военных технологий, обучение партизан взрывному делу и убийства советских офицеров для деморализации командования. «Одним из следствий было то, что эти изменения подтолкнули ЦРУ вместе

с его клиентами в афганском сопротивлении и пакистанской разведке ближе к серым зонам политических убийств и терроризма» (*I. P. 126*).

Тем временем с 1985 года начался подъем антиамериканского терроризма на Ближнем Востоке. Террористам удалось добиться желаемого: американцы отменяли планы поездок и требовали от правительства действий. Ответом США стало учреждение Контртеррористического центра ЦРУ. В 1985—1986 годах наиболее заметные теракты в мире были осуществлены светскими левыми группами, многие из которых выступали с националистических позиций (палестинские террористы, Ирландская республиканская армия, баски). На них Контртеррористический центр и сосредоточился, тем более что Кейси считал их тесно связанными с СССР.

Между тем директор Афганского бюро МВР генерал М. Юсуф создал в Пакистане вдоль афганской границы инфраструктуру обучения партизан. Ежегодно через его лагеря проходило 16—18 тысяч добровольцев (*см. I. P. 144*). Обучение он наладил и в самом Афганистане. Эта сеть, которую спустя десять лет в США будут клеймить как «террористическую инфраструктуру», все теснее переплеталась с международными сетями исламистов, у которых была амбициозная цель — свержение коррумпированных и антирелигиозных правительств по всему исламскому миру.

Наиболее известным арабским исламистом в Пешаваре был активист «Братьев-мусульман» палестинец Абдулла Азам. В 1970-е годы он стал доктором исламского права в Каирском университете аль-Азхар. Азам оказывал сильное влияние на бен Ладена и помогал ему набирать добровольцев. В 1986 году эти двое открыли офис в Таксоне (штат Аризона). Азам увлек Усаму концепцией международного джихада. Он призывал рассматривать конфликт Палестины с Израилем как часть более широкой войны, которую ведут неверные против мусульман.

В апреле 1987 года советские войска перешли в наступление на востоке Афганистана, и бен Ладен даже участвовал в бою. Он позволил египетскому режиссеру Исаму Диразу снять материал о создаваемом им движении. Тот содействовал формированию легенды Усамы: богат, живущий жизнью бедняка, социально привилегированный человек, готовый пожертвовать всем ради религии. К концу 1987-го сеть сбора средств и вербовки включала офисы в США, Египте, Саудовской Аравии и других странах. «Усама одаривал своими деньгами и расположением частично Азама, а частично соперничавшую с ним группу египтян (во главе с Айманом аз-Завахири. — *A. Ф., К. Ф.*) в Пешаваре. Благодаря этому характерному методу услужливого бедуинского лидерства он постепенно навязал некрепкой многонациональной коалиции арабских добровольцев свое необъявленное руководство» (*II. P. 305*).

В условиях окончания Холодной войны будущее Центральной Азии не было в списке американских приоритетов. ЦРУ было готово дать пакистанской разведке полную свободу рук, даже если бы это означало утверждение в Кабуле ее клиента Хекматияра. 14 апреля 1988 года были подписаны Женевские соглашения об условиях советского ухода из Афганистана. Дипломаты Рейгана разработали формулу «положительной

симметрии»: она позволяла ЦРУ продолжать поставлять оружие и средства моджахедам, пока Москва помогает правительству Наджибуллы.

17 августа того же года Зия-уль-Хак разбился на самолете. «Погиб и архитектор современной пакистанской разведки генерал Ахтар. Однако Зия и Ахтар оставили обширное и живучее наследство. В 1971 году во всем Пакистане насчитывалось только 900 медресе. К лету 1988 года официальных религиозных школ было около 8 тысяч, а незарегистрированных — 25 тысяч; многие из них гнездились вдоль пакистано-афганской границы и спонсировались богатыми покровителями из Саудовской Аравии и других государств Персидского залива. Когда Ахтар принял МВР почти за 10 лет до этого, то была небольшая и деморализованная структура пакистанской армии... менее через 10 лет после советского вторжения в Афганистан МВР благодаря субсидиям ЦРУ и Саудовской Аравии превратилась в самый могущественный институт Пакистана» (I. P. 80).

Светски настроенные афганцы из числа племенных вождей в изгнании и торговых слоев предупреждали американцев и саудовцев, что, поддерживая исламистов, те финансируют собственных убийц. В октябре 1988 года о том же в секретном отчете заявил сотрудник ЦРУ Э. Макуйльямс, предостерегая против дальнейшей помощи Хекматияру. Однако официальные круги не хотели его слушать. Между тем в лагерях боевиков и кругах джихадистов в Пешаваре нарастало брожение. Наиболее радикальные арабы стояли за расширение понятия «неверный» и зоны джихада. Азам пытался противодействовать этой тенденции, придерживаясь эволюционного подхода «Братьев-мусульман», но 24 ноября 1989 года погиб при взрыве автомобиля.

С выводом советских войск Афганистан стал для американцев трехстепенным вопросом внешней политики. Все «детализированные разведданные о международном исламском радикализме и его убежище в Афганистане пылились на средних уровнях бюрократии. Война в Заливе, воссоединение Германии, агония Советского Союза — эти масштабные, всеобъемлющие кризисы продолжали притягивать основное внимание администрации Буша» (I. P. 228).

Прибытие сотен тысяч американских солдат в Саудовскую Аравию во время войны в Заливе разрушило миф о независимости страны и породило споры о саудовской идентичности. В мае 1991 года подпольная сеть проповедников подала малику Фахду петицию, в которой призывы к квазидемократическим реформам сочетались с исламистскими идеями. Эти события заставили ЦРУ и госдепартамент начать переговоры с Саудами относительно опасности исламского радикализма. ЦРУ впервые увидело, что прошедшие подготовку в Афганистане арабские джихадисты представляют угрозу в самой Саудовской Аравии. В 1991 году бен Ладен покинул родину (об этом — ниже).

К 1992 году режим Наджибуллы лишился советской помощи, и Масуд в союзе с узбекским лидером А. Дустумом вошел в Кабул, выбив Хекматияра из пригородов. Однако гражданская война продолжалась. К 1992 году на руках афганского населения было больше оружия, чем в Индии и Пакистане вместе взятых. На тот момент полмиллиона жителей Кабу-

ла пользовались продовольственными карточками (см. *I. P.* 238). В том же году президентом США стал У. Клинтон. Он был озабочен государствами—спонсорами терроризма (Ирак, Иран) и шиитскими группировками, которые убили десятки американцев в 1980-е годы. В первые годы своего президентства Клинтон вообще не знал о бен Ладене, а его отношения с ЦРУ отличались дистанцированностью, взаимной плохой информированностью и странной беззаботностью.

Между тем вызревавшие в Афганистане исламистские ячейки расплозились по миру. В 1993 году два молодых выходца из Пакистана Мир Каси и Рамзи Юсуф совершили теракты в США — стрельбу на автостоянке перед входом в здание ЦРУ и взрыв во Всемирном торговом центре. Выяснилось, что за терактами не стоит никакое правительство, а террористы связаны с международными сетями джихада в Пешаваре и на Ближнем Востоке, хотя масштабы и значение этих связей оставались непонятны. Однако даже после идентификации нового врага ЦРУ перестраивалось медленно. Отчасти причина крылась в том, что новые исламисты получали средства и оружие не от Ирана, а от Саудовской Аравии. У ЦРУ и Белого дома не было охоты поднимать вопрос о роли саудовских проповедников, финансистов и ведомств. Саудовская Аравия оставалась для США ключевым партнером по безопасности и поставщиком нефти.

Американцы заключили, что терроризм спонсирует правительство Судана, и наложили на него экономические санкции. В 1989 году власть в стране взяла партия «Национальный исламский фронт». Именно в Судане нашел приют бен Ладен. И все же он еще был более финансистом, чем главой террористической сети (на чем мы специально остановимся ниже). Что касается ЦРУ, то оно по-прежнему сосредоточивало внимание на угрозах со стороны Ирана и шиитов. Американские арабисты десятилетиями изучали Ближний Восток через «очки Холодной войны»; их взгляды определялись тесным контактом со светскими элитами арабских стран. Тем не менее к середине 1995 года впервые стала вырисовываться мировая террористическая сеть.

В Афганистане же в 1994 году появилась новая исламистская сила — движение «Талибан». Его подъему способствовала премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто, которая собиралась наладить через Афганистан торговлю с бывшей советской Средней Азией. В Туркменистане, Казахстане, Узбекистане и Азербайджане находится 50—100 миллиардов баррелей нефти и 250 триллионов кубических футов газа (см. *I. P.* 304—305). Для налаживания торговли требовалось объединить Афганистан под властью одной силы. Пакистан разрекламировал талибов саудовцам. В эти годы американских экономических санкций финансовая помощь и поставки нефти по сниженным ценам из Саудовской Аравии материально поддерживали армию и разведку Пакистана. Эта помощь в иные годы достигала нескольких сот миллионов долларов (см. *I. P.* 296). Она способствовала не только росту «Талибана», но и укреплению самой МВР как «теневого» правительства Пакистана. Бхутто рекламировала «Талибан» и американцам как силу, способную стабилизировать Афганистан. К концу 1995 года регионом заинтересовались энергетические

компании США, прежде всего Unocal, которая тоже стала лоббировать интересы талибов в Белом доме.

В 1996 году бен Ладен был вынужден переехать из Судана в Афганистан. В сентябре того же года талибы наконец взяли Кабул, причем содействовал этому, возможно, бен Ладен, передав им 3 миллиона долларов на подкуп командиров, закрывавших путь на столицу (см. *I. P. 332*). Масуд окопался в родной долине Панджшер и открыл переговоры с Россией и Ираном о поставках оружия. Важным источником средств для него стала Индия, видевшая в нем противовес пропакистанской силе в Афганистане. В мае 1997-го министерство иностранных дел Пакистана по указке МВР официально признало «Талибан» правительством Афганистана (премьер-министр Наваз Шариф узнал об этом из теленовостей). За Пакистаном последовали Саудовская Аравия и ОАЭ.

Саудовские власти тревожило то, что Усама продолжает использовать средства и мировые каналы цифровых технологий для связи с исламистскими диссидентами. Спецслужба принца Турки арестовала людей Усамы, которые контрабандой ввезли в страну ракеты «земля — воздух». Тот продолжал давать телеинтервью с угрозами династии. В июне 1998-го Турки прилетел в Кандагар. Принц надеялся убедить лидера «Талибана» муллу Умара, что движение выиграет, если порвет с бен Ладеном. Однако в Контртеррористическом центре ЦРУ сомневались, что визит был искренней попыткой нейтрализовать бен Ладена. По информации из Пакистана, Турки обсуждал с талибами и военную стратегию против Северного альянса.

7 августа 1998 года раздались взрывы у посольств США в Найроби и Дар-эс-Саламе. Клинтон назвал сведения ЦРУ первым убедительным свидетельством того, что бен Ладен лично ответственен за гибель американцев. 20 августа американцы выпустили 75 ракет «Томагавк» по лагерному комплексу «Заухар Кили» в афганской провинции Хост. Погиб по крайней мере 21 джихадист-доброволец из Пакистана (см. *I. P. 411*). Бывший директор МВР Хамид Гул позднее признался, что предупредил талибов об американской атаке. Ракетные удары лишь повысили репутацию бен Ладена в исламском мире: сверхдержава целилась в него и промахнулась.

На военные действия Клинтон не решался.

«Став директором в Лэнгли, Тэнет предостерегал против использования программ тайных действий ЦРУ как инструмента—заменителя провалившейся явной политики. Однако он также отметил, что американские президенты вновь и вновь обращались к ЦРУ с просьбой тайно решать проблемы внешней политики. Как Кеннеди за несколько десятилетий до этого хотел, чтобы ЦРУ решило для него проблему Фиделя Кастро с помощью серебряной пули, так Клинтон теперь нуждался в ЦРУ в борьбе с бен Ладеном. Однако США не были готовы ответить на серьезный внешнеполитический вызов ценой участия в масштабной региональной войне Афганистана, где ключевой фигурой теперь выступал бен Ладен. Помимо многих других осложнений, эта война потребовала бы принять сторону антиталибских сил и вступить в конфронтацию со сторонниками “Талибана” в пакистанской разведке» (*I. P. 413—414*).

Между тем в Кандагар прибыли четыре молодых араба-моджахеда — выходцы из среднего класса. Путь их радикализации повторял тот, по которому в начале 1990-х шли Юсуф и Каси: это были хорошо образованные люди из амбициозных и состоятельных семей, учившиеся в Европе. Местом их идейного перерождения стала мечеть аль-Кудс в Гамбурге. Бен Ладен и его окружение уже подумывали использовать для атаки на США самолеты. План составил дядя Юсуфа Халид Шейх Мухаммад, знавший бен Ладена по антисоветскому джихаду в Афганистане. Усама дал двух пилотов-саудовцев — ветеранов джихада в Боснии и двух добровольцев из Йемена. Мухаммад обучил членов группы, как жить и передвигаться в США, пользоваться Интернетом, заказывать авиабилеты. Военный руководитель «Аль-Каиды» Мухаммад Атаф отправил троих приехавших из Гамбурга обратно — учиться на пилотов.

Американцам было по-прежнему неясно, следует ли идти с «Талибаном» на конфронтацию или на сотрудничество. «Во многих отношениях это была та же политическая близорукость, которая сформировала американскую политику в Афганистане в 1988—1992 годах, при двух администрациях республиканцев.

Начиная с сентября 1999 года ЦРУ получало много сведений о том, что в конце года Усама планирует до 15 терактов. В декабре полиция Иордании изъяла 71 контейнер с азотной и серной кислотой. Арестованные исламисты сознались, что выбрали мишенью гостиницу «Рэдиссон», в которой на Новый год должно было остановиться много американских и израильских туристов. В Канаде задержали алжирца Ахмада Рисама, пытавшегося провезти взрывчатку для теракта в аэропорту Лос-Анджелеса.

После переворота генерала П. Мушаррафа в Пакистане директором МВР стал его сторонник Махмуд Ахмад. Он вызвался выдать ЦРУ двух арабских боевиков, а Мушарраф объявил, что подумывает о поездке в Кандагар, чтобы убедить Умара выдать бен Ладена. Однако «это не было отходом от пакистанской стратегии джихада. Пакистанская армия давно усвоила, что может легко набирать очки у американцев, особенно у ЦРУ и ФБР, обрушиваясь на относительно немногочисленные группы террористов «Аль-Каиды», которые не имели значения в политике Пакистана в Кашмире или Афганистане» (I. P. 511).

Американцам было по-прежнему неясно, следует ли идти с «Талибаном» на конфронтацию или на сотрудничество. «Во многих отношениях это была та же политическая близорукость, которая сформировала американскую политику в Афганистане в 1988—1992 годах, при двух

администрациях республиканцев. Тогда, как и в 2000 году, США отказались присоединиться к возникшему хрупкому союзу между Масудом и пуштунами-центристами. Результатом этого отказа в обоих случаях была уступка территории экстремистским клиентам Пакистана — сначала Хекматияру, позднее «Талибану» (I. P. 521).

В президентской гонке 2000 года терроризм почти не фигурировал. Правда, приходясь сыном бывшему директору ЦРУ, Джордж Буш-мл., в отличие от Клинтона, придавал этому ведомству немалое значение. И все же в первые сто дней в Белом доме К. Райс, Р. Чейни, Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц сосредоточили внимание на противоракетной обороне, военной реформе, Китае и Ираке.

В начале 2001 года Тэнет впервые объявил террористическую угрозу со стороны бен Ладена первым приоритетом в списке угроз национальной безопасности США. В апреле Масуд встретился в Париже с сотрудником ЦРУ Г. Шроэном и предупредил о скорых ударах террористов по США и Европе в случае отсутствия помощи врагам талибов. В мае — июле Агентство национальной безопасности США зафиксировало не менее 33 перехватов информации о возможной атаке «Аль-Каиды» (см. I. P. 566). Тем не менее все 19 участников терактов 11 сентября к середине июля спокойно въехали в США. Халид Шейх Мухаммад координировал их действия из Пакистана, поторапливаемый бен Ладеном. Деньги террористы получили от контактов «Аль-Каиды» в ОАЭ.

«После 1979 года Афганистан был лабораторией осуществления политических и военных сценариев, разработанных за рубежом и навязанных силой. Язык и идеи, описывавшие афганские партии, армии и ополчения, был рожден теоретиками в университетах и семинариях Европы, США, Каира и Деобанда. Афганцы воевали как «коммунисты» или «борцы за свободу». Они вступали в армии джихадистов, сражаясь за воображаемую мировую исламскую *умму*. Будучи молодой, слабой нацией, Афганистан дал мало убедительных националистов, которые могли предложить альтернативу, определить будущее Афганистана изнутри. Ахмад Шах Масуд был исключением» (I. P. 576). Вместо того чтобы сотрудничать с ним, США потакали своим союзникам — Пакистану и Саудовской Аравии. В конце этой дороги лежал сентябрь 2001 года.

«В 1990-е годы американскую внешнюю политику в Афганистане и Южной Азии слишком часто определяли безразличие, апатия, слепота, паралич и торговая алчность. Кроме Масуда наиболее естественным американским союзником против «Аль-Каиды» в регионе была Индия, демократии и гражданскому населению которой тоже угрожало насилие со стороны радикальных исламистов. Однако, в то время как американское правительство постепенно пыталось углубить связи с Нью-Дели, ему не хватало креативности, знания местных условий, терпения и настойчивости, чтобы успешно справиться с индийским колючим национализмом и сложной демократической политикой...

Не было у США и стратегии сотрудничества, демократизации, светского образования и экономического развития, которую они могли бы осуществлять в отношении мирного, но деморализованного большинства на-

селения исламского мира. Вместо этого Вашингтон привычно нянчился с недемократическими и коррумпированными правительствами мусульманских стран, даже когда средние слои этих стран с их несбывшимися надеждами все больше обращались за социальными ценностями и политическими идеями к консервативным толкованиям ислама. Так Америка... сама облегчила работу вербовщикам «Аль-Каиды»» (I. P. 577—578).

В начале сентября 2001 года два якобы марокканских журналиста с бельгийскими паспортами приехали взять интервью у Масуда. На деле это были агенты «Аль-Каиды»; и 9 сентября они убили Масуда. 10 сентября Буш и его кабинет решили отправить к Умару посланника с ультиматумом: выдать бен Ладена или готовиться к серьезным последствиям. Лишь в случае провала ограниченной тайной войны администрация США собиралась оказать афганской оппозиции серьезную помощь. Предполагалось, что осуществление проекта займет около трех лет.

«Необычная история подъема семьи бен Ладенов в XX веке захватывающая даже там, где не касается Усамы вовсе. Для многих бен Ладенов его поколения семейные связи оказались изменчивыми и прежде всего сложными. История их семьи — это история модернизации и власти в Саудовской Аравии, молодой и небезопасной стране, где семья — намного более важная единица в политической жизни, чем что-либо другое» (II. P. 13). В среде предпринимателей Саудовской Аравии бен Ладены не были самой значительной семьей, но десятилетиями ковали уникальные партнерские отношения с правящей династией в качестве официальных подрядчиков по ремонту священных исламских городов Мекки и Медины.

На рубеже XIX—XX веков дед Усамы Авад бен Ладен из племени кенда в области Хадрамаут в Йемене, спасаясь от кредитора, переехал из родной деревни в ущелье Ракийя в соседнее ущелье Дуан. Он умер молодым, оставив двоих сыновей — Мухаммада (род. ок. 1908 года) и Абдуллу. Многие *хадрами* уезжали на длительные заработки за границу; так поступили и братья бен Ладены. Мухаммад нашел работу в Эфиопии, потерял там глаз, вернулся и вместе с Абдуллой уехал (еще подростком) в Джидду. Он работал носильщиком, затем открыл закусочную, стал присматриваться к строительной отрасли и в 1931 году основал небольшую компанию. Вскоре Аравийский полуостров начали затрагивать глубокие политические и экономические изменения, в центре которых стояли нефть и малик Абдуль-Азиз ибн Сауд, который в 1932 году завершил объединение Аравии.

Американская компания Standard Oil Company of California стала платить малику субсидию в обмен на разрешение разрабатывать месторождения. Консорциум «Арамко» начал нефтедобычу в Дахране. Туда и приехал Мухаммад, найдя работу строителя, а скоро — и бригадира строителей. Съездив в Эр-Рияд, он предложил свои услуги подрядчика Абд-уль-Азизу. Дела Мухаммада пошли в гору. После Второй мировой войны нефтяной экспорт Саудовской Аравии взлетел с 30 тысяч баррелей в день до 476 тысяч в 1949 году (см. II. P. 42). Позднее Мухаммад с братом вернулись в Джидду по призыву финансового советника малика Абдуллы — Сулеймана, который пригласил его строить новый монарший дворец.

Число и масштабы инфраструктурных контрактов Мухаммада росли. Он обзаводился женами и детьми, заключая выгодные для бизнеса браки и укрепляя связи с правящей династией. «С помощью этих связей бен Ладен приспособился к системе подрядов, которые американские и британские дипломаты в королевстве называли взяточничеством, но которые саудовцы, получавшие от них выгоду, рассматривали как совершенно нормальный вид предпринимательства в стране, где вся земля, все природные богатства и вся власть распоряжаться ими принадлежали королевской семье» (II. P. 47). В 1950 году малик, желавший иметь собственного подрядчика (которого предпочитал иностранцам), назначил Мухаммада генеральным директором работ по ремонту священных городов ислама.

Мухаммад сохранил позиции и при преемниках Абд-уль-Азиза — маликах Сауде (1953—1964) и Фейсале (1964—1975). «Бен Ладен и Фейсал нуждались друг в друге. В королевстве были и другие купеческие семьи, которые накапливали опыт в строительстве и легкой промышленности, но если наследник престола хотел дать убедительный старт программе национального развития, он нуждался в накопленном бен Ладеном большом количестве строительного оборудования, его армии полуквалифицированных и неквалифицированных работников и неукротимой привычке говорить: “Да, Ваше Величество, это можно сделать”» (II. P. 78).

В 1958 году сирийская жена Алия родила Мухаммаду сына Усаму. Она (как многие другие жены) быстро получила развод, но Усама вместе со сводными братьями считался полноправным наследником отца. Всем им Мухаммад дал хорошее образование. К середине 1960-х годов у него было более 20 сыновей, которые жили вместе с матерями на пространстве от Каира до Джидды.

В 1967 году Мухаммад разбился на личном самолете. Его гибель вызвала опасения, что бизнес-империя бен Ладенов рухнет, но этого не случилось. Наследники согласно исламскому праву получили фиксированный процент акций в семейной компании. По разным оценкам, состояние Мухаммада равнялось 100—150 миллионам долларов (см. II. P. 127). Старший сын Салим, получивший образование в Лондоне, вместе с шестью родными братьями учредил фирму «Братья бен Ладены» и доказал, что способен управлять масштабными проектами. В 1970-е годы он утвердился как новый глава семьи: раздавал денежные пособия, принимал решения о месте обучения младших братьев, организовывал семейные встречи. Жизнь семьи проходила в Джидде, Ливане и Европе. Многие сыновья Мухаммада учились в элитной средней школе «Брумманна» под Бейрутом и вели вестернизированную жизнь.

Жизнь Усамы уже к началу 1970-х годов пошла по другому пути. Дав его матери развод, Мухаммад организовал ее брак с администратором среднего уровня из своей компании. Родственники в Латакии помнят Усаму как спокойного и тихого мальчика, который мало общался с двоюродными братьями, хотя любил плавать, охотиться и ездить верхом. Отец для него, как для многих других сыновей, был далекой, но вдохновлявшей фигурой. Усама усвоил идею, что отец не сидит за столом, лишь

отдавая распоряжения, а сам работает в пустыне рядом со своими этнически разнородными работниками. Это станет стилем лидерства Усама. В 1968 году он поступил в элитную частную школу «ат-Тагр» в Джидде, где нашел наставника-исламиста из Сирии.

После гибели Фейсала от рук племянника Салим быстро наладил отношения с принцем Фахдом, который стал реальным правителем при не интересовавшемся государственными делами малике Халиде (1975—1982). «Подобно менеджеру по продажам, Салим поручил каждого старшего саудовского принца одному из своих родных или сводных братьев; задачей каждого бен Ладена было культивировать личные отношения со “своим” принцем и добиваться контрактов» (II. P. 167).

Во время нефтяного бума 1970-х годов бен Ладенам уже понадобился выразитель интересов в Европе и США. Салим выполнял эту роль превосходно: бегло говорил по-английски, был энергичен, мобилен и чувствовал себя как дома и в Джидде, и в Лондоне. Младшие родные и сводные братья безоговорочно признавали его авторитет. В 1979 году у «Братьев бен Ладенов» было более дюжины партнерств или компаний, организованных совместно с иностранными фирмами, включая крупные строительные компании. К концу 1970-х Салим стал председателем основанной отцом компании и забрал власть у совета опекунов. «Организация Мухаммада бен Ладена» по-прежнему получала значительную часть дохода от инфраструктурных и оборонных проектов. После окончания братьями и сестрами средних школ в Ливане, Египте и Джидде Салим поощрял многих поступать в американские колледжи.

Усама не поехал на чреватый искушениями Запад, а поступил в 1976 году в Университет им. малика Абд-уль-Азиза в Джидде, где учился менеджменту. Одновременно он продолжал изучать ислам. «Усама представлял собой для многочисленной семьи бен Ладенов такой пробный камень религиозности. Его семья — некоторые со скептической терпимостью, иные с явным восхищением — смотрела на него как на выдающегося своими убеждениями молодого проповедника и предстоятеля на молитве. Как европейские знатные семьи прошлого считали естественным, чтобы один или два их сына становились священниками, в то время как другие делались армейскими офицерами или придворными советниками, так бен Ладены не считали чем-то из ряда вон выходящим, чтобы некоторые из их сыновей и дочерей ответили на призыв ислама» (II. P. 202).

Ранние контакты Усама с «Братьями-мусульманами» означали, что с самого начала его понимание ислама было искажено идеями политического протеста. И все же нет свидетельств того, что до 1979 года он был особо политизирован. В 17 лет Усама женился на 14-летней двоюродной сестре Наджве, от которой родился сын Абдулла. По окончании университета он был назначен менеджером своей компании в Мекке. Когда в 1979-м исламские террористы захватили Большую мечеть в Мекке, Усама еще не был готов поддержать их. Он еще пытался иметь все сразу: деньги, жен, детей, престижную работу и религиозность.

Вторжение СССР в Афганистан Сауды и администрация Картера ошибочно восприняли как начало его продвижения к нефтяным месторож-

дениям Персидского залива. Однако сотрудничество США и Саудовской Аравии в Афганистане не должно было быть слишком явным, так как Фахд рисковал прогневить своих исламистов. Здесь и понадобились бен Ладены. У Салима были свои связи с афганской границей, и уже в ноябре 1980 года он полетел в Карачи. Тогда же совершил первую поездку в Пакистан и Усама.

В 1984-м Усама впервые посетил Афганистан. В том же году компания бен Ладенов предоставила инженерный персонал для ведения афганской войны. Одному сирийскому журналисту Усама признался в чувстве вины за то, что так долго избегал бывать на передовой. Многие годы он будет повторять эту идею и в то же время ухитряться избегать мученичества. Его добровольческая деятельность в Пешаваре оставалась неразрывно связанной с его семьей и ее бизнес-стратегией.

Сводный брат Салима — Яслам, окончив Университет Южной Калифорнии, вернулся в Джидду, куда привез компьютеры и где открыл первую в Саудовской Аравии акционерную биржу. В начале 1980-х он стал лидером семьи в торговле акциями, инвестициях в недвижимость и использовании оффшорных компаний на Карибах, в Центральной Америке и Европе. К концу 1983 года SICO держала акций более чем на 10 миллионов долларов, а ее годовой оборот достигал почти 200 миллионов (см. II. P. 269). Развивал Яслам и контакты с инвестиционными банками Уолл-стрит.

«К середине 1980-х годов 24 брата бен Ладена, которые владели акциями в главной семейной компании, напоминали блок законодателей из одной политической партии: их объединяли профессиональные интересы, и они часто действовали с одной целью, но принадлежали к двум четко очерченным крыльям — либеральному и консервативному. Слева находились бесспорный лидер семьи Салим, а также Яслам и несколько других братьев, которые предпочитали ездить в Европу и Бейрут. Усама и Махруз были представителями ревностного, активного религиозного крыла семьи. Между ними, ведя более традиционную, умеренную арабскую жизнь, стояли четыре делающих карьеру брата с образованием гражданских инженеров — Бакр, Галиб, Умар и Яхья» (II. P. 275).

В 1986 году Усама окончательно сделал выбор в пользу исламистской деятельности и переехал с семьей в Пешавар. Салим по его просьбе устроил покупку в Южной Америке базук и боеприпасов для АК-47 китайского производства. Усама соорудил в Афганистане тренировочный лагерь, где к концу года обучались около 50 боевиков (см. II. P. 291). Члены семьи отправляли Усаме строительное оборудование. Офис бен Ладенов в Каире при поддержке саудовского МВД добивался виз для египетских исламистов, ехавших в Афганистан. Компании бен Ладенов заключили контракты на строительство в Пешаваре больниц и других объектов для исламских благотворительных организаций.

Лишь однажды Усама написал о роли США в афганской войне положительно; большинство его комментариев акцентировали двуличие американцев. Тем не менее тыловая работа Усамы вдоль пакистанской границы пересекалась с программами и потоками средств ЦРУ.

Семья продолжала бизнес в стране и за рубежом, в частности в Техасе. Связи партнера Салима — Дж. Бата с семьей Бушей и другими ведущими фигурами Республиканской партии в этом штате рождают вопросы о масштабе отношений Салима с этими политиками. Салим — через Бата, саудовского банкира Халида бен Махфуза и саудовское правительство — мог считать себя *ex officio* членом нефтяного и политического истеблишмента Хьюстона.

В 1988 году Салим разбился на небольшом самолете в США. Новым главой семьи стал его родной брат Бакр, чему способствовали его центральная роль в подрядах в Мекке и Медине и профессиональная квалификация.

Женевские соглашения о выводе советского контингента из Афганистана отчасти лишили Усаму смысла существования — война превращалась из праведного восстания в трясину гражданского конфликта. В августе 1988 года в Пешаваре на встречах исламистов родилась «Аль-Каида» (*араб.* «база»). «Неопределенность, присутствовавшая при рождении “Аль-Каиды”, — ощущение того, что она является организацией, но что ее границы размыты и переходят в более широкое движение, — будет сохраняться годами, поскольку она была основополагающей для мировоззрения самого Усама. По его замыслу, “Аль-Каида” была всего лишь побочным средством подстрекать и организовывать умму — сообщество исламских верующих... В последующие годы Усама сделал три незаменимых вклада в “Аль-Каиду”. Все они вытекали из его опыта как члена семьи бен Ладенов: акцент на разнообразии и включении всех, уверенность в денежных и административных делах и тяга к технологиям глобальной интеграции. Возможно, эти сильные стороны Усама, позаимствованные у семьи, стали для потенциала “Аль-Каиды” важнее, чем лежавшая в ее основе исламская идеология, которую разделяли все воинствующие группировки.

Амбиции, энергичность, природный талант и дар управлять людьми сделали Мухаммада бен Ладена богатым. Будучи перетолкованы Салимом, эти черты стали характерными для светской жизни с ее исключительной креативностью и финансовым успехом. Будучи вновь перетолкованы Усамой сквозь призму исламского радикализма, они вскоре вновь доказали свою способность к воздействию» (*II. P. 338*).

В 1989 году, незадолго до гибели Азама, Усама с семьей вернулся на родину. Он продолжал медиа-проекты, воображал себя автором сценария и продюсером джихада. После прихода Бакра Усама забрал 8 миллионов долларов наличными и стал акционером новых партнерств, в том числе «Компании Мухаммада бен Ладена» и Saudi Bin Laden Group (SBG). Расследование комиссии 11 сентября показало, что между 1970 и 1994 годами Усама всего в виде зарплаты и дивидендов получил около 24 миллионов долларов (*см. II. P. 351*).

Когда американцы в 1990 году высадились в Саудовской Аравии, чтобы воевать с Ираком, Усама был среди тех, кто возмущился прибытием немусульманских войск на землю ислама. Он еще был лоялен Саудам и предложил им услуги своих боевиков. Однако его настойчивые призывы не пола-

гаться на США и продолжение им подрывной исламистской деятельности в Йемене привели к охлаждению отношений с династией. 1 мая 1991 года Усама покинул родину как человек, не находящий себе применения.

Демонстрируя упорство, но не имея четкого плана действий, он переехал в Хартум. Влияние исламистов в правительстве Судана и бедность страны позволяли ему развернуться здесь как спонсору международной партизанской войны и предпринимателю (как сделали другие полунезависимые братья за рубежом — Яслам в Швейцарии и Халид в Египте). Семья просила Усаму вернуться, но тщетно. В Судане он купил подержанный американский самолет и оплачивал содержание нескольких сот арабских моджахедов и работников на ферме, специализировавшейся на выращивании подсолнечника.

В 1993 году, после взрыва у Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, журналисты стали писать о предполагаемой финансовой помощи Усамы международным боевикам. Для саудовской правящей семьи это внимание впервые превратило Усаму из внутренней проблемы во внешнеполитическую. В мае того же года исламисты образовали в Эр-Рияде группу с целью добиваться реформ политической системы. Правительство ответило репрессиями, и мишенью стал в том числе Усама. Бакр, вероятно, под давлением правительства инициировал лишение брата акций семейных компаний. В феврале 1994-го семья впервые публично осудила Усаму в СМИ, а в апреле министерство внутренних дел лишило его подданства. Усама присоединился к оппозиции саудовскому режиму, ведя себя как человек, которому нечего терять.

К 1994 году Усама тайно разослал группы боевиков, контрабандистов оружия и организаторов джихада в Сомали, Кению, Йемен, Боснию, Египет, Ливию и Таджикистан. Его главным помощником в борьбе с саудовским режимом был уроженец Кувейта Халид аль-Фавваз, торговавший автомобилями в Найроби. В июле 1994-го по инициативе Усамы в Лондоне был учрежден Комитет за совет и реформу, который стоял за искоренение всех видов неисламского правления. Усама писал в Хартуме длинные эссе, которые аль-Фавваз распространял из Лондона по факсу.

Суданский опыт Усамы как бизнесмена был схож с опытом его сводного брата Халила в Лос-Анджелесе: грандиозные схемы не удались. Наставники использовали его в своих целях, а работники растратили десятки тысяч долларов. За четыре-пять лет Усама потерял не менее 15 миллионов долларов (см. *Ш. Р. 413*). Одна из его жен, Ум Али, не вынесла тягот жизни и просила развода. Старший сын, подросток Абдулла, настоял на возвращении в Саудовскую Аравию и получил работу в семейном предприятии. Мать Усамы по-прежнему навещала его, но для старших братьев в Джидде он стал отверженным. Ничто не пугало семью больше, чем перспектива потерять богатство.

Она продолжала развивать бизнес. В середине 1990-х Бакр подписал ряд выгодных контрактов с «Дженерал электрик» для строительства в Саудовской Аравии электростанций. Эти и подобные контакты дали бен Ладенам возможность отмежеваться от Усамы и укрепить связи с американскими и британскими элитами. Фирмы семьи продавали одежду в Ковент-гардене, Каире и Бейруте, производили телепередачи и рек-

ламу в фотолаборатории в Джидде, лицензировали интеллектуальную собственность в Дубаи и т. д. В 1995 году бен Ладены вложили не менее 2 миллионов долларов в американскую «Группу Карлайл» (см. II. P. 425).

В мае 1996-го Усама пришлось покинуть Судан. Правительство искало международной легитимности, а США дали понять, что этого не будет, пока там действует Усама. Тот перелетел в афганский Джалалабад. Высылка из Судана убедила бен Ладена, что его враги Сауды — лишь марионетки Вашингтона. Вскоре он завязал хорошие отношения с муллой Умаром и вместе со своей большой семьей перебрался в Кандагар. Потеря личного состояния, семейных дивидендов и имущества в Судане означала, что для привлечения спонсоров и добровольцев ему требуется сильный медиа-профиль. В 1997—1998 годах Усама дал в Афганистане ряд интервью и воссоединился с египетской группировкой во главе с аз-Завахири. 23 февраля 1998 года они объявили о создании «Международного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев».

Когда в августе 1998-го произошли взрывы у посольств США в Кении и Танзании, «Усама использовал свой спутниковый телефон для звонков через Индийский океан и ударов по американским мишеням с помощью дистанционного управления. Это было нововведением в глобальном терроризме, вытекавшим из его инстинктов и опыта как члена семьи бен Ладенов: как сводные братья Усамы инвестировали в спутниковую телефонию в Вашингтоне, так он использовал ту же технологию для нападения на посольства Вашингтона за рубежом... Ответная ракетная атака тотчас подняла мировой престиж Усамы. Его признали достойным военного внимания самого могущественного политического лидера на планете. В том августе телевизионные пресс-конференции в Вашингтоне, проведенные ответственными за ракетный удар чиновниками и генералами администрации Клинтона познакомили с именем бен Ладена массовую аудиторию, которая никогда о нем не слышала» (см. II. P. 469—470).

ЦРУ и ФБР собирали сведения об Усама и его родственниках. Состоялись встречи их агентов с Бакром и другими братьями. Те заверили, что давно порвали с Усамой. Особенно трудным для американских следователей было выяснить связи между саудовскими благотворительными организациями, исламистскими сетями и членами семьи бен Ладенов. Расследование казначейства США показало, что Усама не так богат, как считалось, и тратит не собственные деньги, а средства благотворительных организаций, спонсоров и прозелитических сетей. Живя в Афганистане, он расходовал 20 миллионов долларов в год на содержание лагерей боевиков, закупку оружия, жалованье и субсидии семьям добровольцев; операции вне Афганистана обходились еще в 10 миллионов долларов (см. II. P. 495).

К концу 1990-х годов Бакр добился немалых успехов, возглавляя диверсифицированную бизнес-империю. SBG и «Организация Мухаммада бен Ладена» выступали работодателями для многих тысяч человек, а интересы их строительных контрактов включали Каирский и Куала-Лумпурский аэропорты и гостиницу «Grand Hyatt» в Аммане. Правда, контракты семьи продолжали полностью зависеть от воли Саудов, и Бакр вскакивал почтительно открыть дверь даже мелкому принцу.

После взрывов в Африке братья бен Ладены активно искали новых связей в элите Европы и Америки. Так, в 2000 году саудовский принц Халид представил Бахра принцу Уэльскому, а бывший президент США Дж. Буш-ст. в 1998 и 2000 годах побывал в Саудовской Аравии в качестве члена правления «Группы Карлайл» и благодарил бен Ладенов за гостеприимство. В 2000-м Бахр выразил намерение пожертвовать 1 миллион долларов Центру Картера на борьбу с онхоцеркозом (см. II. P. 505). Тем не менее после 1998 года в США бен Ладены старались избегать внимания общественности.

После терактов 11 сентября «внезапная популярность Усамы среди рядовых саудовцев удвоила сложность положения семьи бен Ладенов: принесли ли они королевству позор и дурную славу или взрастили нового героя арабского народа?» (II. P. 534). Бахр извинился перед американцами за теракты и предложил государственным органам США сотрудничество. Расследование ФБР и швейцарской полиции не выявило причастности семьи к финансированию терроризма. Правда, американские университеты и корпорации прекратили или приостановили сотрудничество с семьей.

Страной, где бен Ладены восстановили дела, стал Египет. К концу 2005 года стало ясно, что они не только переживут Усаму, но и будут процветать как никогда. Сауды по-прежнему нуждались в их деловых качествах. В 2005-м Яхья бен Ладен ожидал, что количество работников в фирмах семьи вырастет в следующие десять лет с 35 до 75 тысяч человек (см. II. P. 556).

У Усамы на 2002 год было по меньшей мере 23 ребенка, большинство которых до 11 сентября жили вместе с ним в Афганистане. Часть его сыновей осталась с ним, а другие вернулись в Саудовскую Аравию, где могли пользоваться преимуществами принадлежности к семье. Так, старший сын Усамы — Абдулла владеет торговым центром в Джидде.

14 декабря 2001 года Усама написал в местечке Тора-Бора завещание, в котором призвал жен вести дальше жизнь самопожертвования, а детей просил простить его за пренебрежение отцовскими обязанностями ради джихада. Однако через несколько месяцев мужество и уверенность к нему вернулись. К 2003-м Усама восстановил доступ к спутниковому телевидению и Интернету и радовался, что Америка увязла в «трясине» Ирака. После 2001 года «Аль-Каида» быстро приспособилась к потере физического убежища в Афганистане, интенсивнее используя Интернет для обучения, тактической коммуникации и проповедей. Смотря американское или британское телевидение, Усама глядел в льстивое зеркало: СМИ изображали его одной из самых могущественных политических фигур в мире. «Это был Усама в поздние годы своего изгнания: человек, который, несмотря на относительную молодость, постоянно жил на грани смерти и который, учитывая, возможно, оставшийся ему короткий срок, был озабочен тем, как его будут помнить» (II. P. 574). Жил он скорее всего на западе Пакистана, где, по сути, нет правительственной власти. История других беженцев на пуштунскую территорию наводила на мысль, что Усама рано или поздно может стать жертвой предательства одного из тех, кто дал ему убежище.

Остальное известно...

